

Юсти
Рен

ЮСТИС РЕЙ

ДУХОВКА

СМЪВЛИ
нам

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Дизайн переплета *Саши Леманн*

Цитата на обложке отсылает к произведению
Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла»,
перевод *Н. Н. Полилова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Мария Магдалина в скитаниях», 1833 г.,
художника *Франческо Аейца* (1791–1882)

Рей, Юстис.

Р35 Духовка Сильвии Плат. Дилогия / Юстис Рей. — Москва :
Эксмо, 2025. — 752 с.

ISBN 978-5-04-223680-8

Меня зовут Сид Арго. Мой дом — город Корк, один из самых консервативных и религиозных в штате Пенсильвания. У нас есть своеобразная Библия (ее называют Уставом), открыв которую на первых ста пятидесяти страницах вы увидите свод правил, включающий обязательность молитв, служб и запреты. Запреты на все. Нельзя громко говорить на улице. Нельзя нарушать комендантский час. Нельзя пропускать религиозные собрания. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Ничего нельзя, кроме тайного ощущения собственной ничтожности...

Но в самом конце лета в город приезжает новая семья, и что-то начинает неумовимо, но неизбежно меняться. Мое мировоззрение, мои взгляды... Все подвергается сомнению. Ты, Флоренс Вёрстайл, подвергаешь их сомнению. И почему-то я тебе верю.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223680-8

© Рей Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Духовка
Сильвии Плат

*«Духовка Сильвии Плат затянула его — берегись,
иначе она затянет и тебя».*

Птица высокого полета,
Она летит совсем одна,
Летит все ввысь, летит свободно,
Но все же горестна она.

Птица высокого полета
Так одинока, что она
Порой решает, не спуститься ль
К другим, что в стаях навсегда.

Птица высокого полета,
Ей трудно, больно на стези,
Ведь этой птице все одною
Решать проблемы на пути.

Птица высокого полета
Порой спускается к толпе,
Она грустит, что одинока
В неведении о земле.

Она спускается в надеждах
Свободной стать от тех проблем
И бед гнетущих, что на сердце
Оставят горестную тень.

Однако, приземлившись, видит
Лишь желчь, нечестную борьбу,
В которой птицы послабее
 все умирают на виду;
Взмывает в небо благородно,
 забыв о прежней пустоте,
Ведь только ей дано увидеть
 правдивое житие и смерть.

Если вдруг вы нашли этот блокнот,
то, пожалуйста, не читайте его, потому что это
примерно то же самое, что залезть
ко мне в душу, а я не думаю, что вам
в ней понравится.

Лето Август

Сид Арго

Штат Пенсильвания — место, где можно в равной степени насладиться всеми временами года: здесь солнечное лето и яркая осень, снежная зима и теплая весна. Мой дом — город Корк, находящийся на северо-востоке штата. Население — тысяча сто пятьдесят три человека. Что не так уж и мало, учитывая, что есть в мире города с куда меньшим количеством жителей. Но не так уж и много, учитывая, что моя семья знает как минимум треть города, а эта треть — другую треть, и таким образом все мы так или иначе знакомы друг с другом.

Не стану отрицать, в жизни маленького города есть свои плюсы: если потеряешь ключи, а на улице дождь или холод, всегда можно постучать практически в любой дом, и тебя приютят на пару часов. Но в то же время в маленьком городе ты никто, становишься таким же маленьким, как и он. Ты не личность, ты — часть команды, потому что все уже решено за тебя, традиции давно устоялись, и ты обязан им следовать, какими бы чудовищными они ни были. Изменить их невозможно. Это примерно то же самое, что пытаться убедить древних людей в том, что земля на самом деле круглая, а не плоский блин, стоящий на черепахе, а черепаха — на слонах, а слоны — на китах...

В общем, к чему это я? Корк — это целое государство, свой мир, если угодно. Мир, который застрял где-то в середине двадцатого века. Интернет доступен редко — можно сказать, что его практически нет. Надобности в мобильных телефонах тоже нет. Неудивительно, такая-то глушь. Единственное, что можно сделать в Корке с новеньким блестящим смартфоном, — так это повесить его на стену рядом с иконой в качестве реликвии. До

ближайшего населенного пункта, который с натяжкой можно назвать городом, час езды. Мы полностью оторваны от реальности, и нам им это нравится.

Традиции в Корке незыблемы. Они вне времени. Одна из них — церковь, а если быть точнее, утренние воскресные службы.

Я никогда не был фанатичным верующим, точно так же как и атеистом, потому что я не делю мир лишь на черное и белое, и что касается религии, то я тоже где-то посередине. Я не верю в церковь: в жертвоприношения и индульгенции, в молитвы и службы, в священников и монахов. Но мне искренне хочется верить в то, что где-то есть что-то величественнее, духовнее нас, то, что может помочь нам, несмотря ни на что, оставаться людьми, при этом не лишая свободы выбора. Вера — не средство порабощения, не право людей в черных простых одеяниях навязать свое мнение. Вера — это свобода. Вера — это надежда. Так я это вижу. Другие — нет...

Мы молимся перед едой. Всегда. И так в нашем городе — по крайней мере, как говорят — делают все. Также у нас принято молиться перед сном, но я и мой брат этого почти никогда не делаем — мы не религиозные фанатики, в крайности не впадаем. Однако посещать воскресные службы все равно что дышать — необходимость. А иначе на тебя косо посмотрят, а те, на кого косо смотрят, в Корке долго не задерживаются. Либо ты со всеми, либо все против тебя. Третьего не дано.

Церковь Святого Евстафия находится на окраине города, но если учитывать его размеры, то это совсем не далеко от нашего дома: примерно полчаса ходьбы или пять минут на машине. Но на машине по Корку мы никогда не передвигаемся, да и вообще какой-либо транспорт, кроме велосипедов, на наших дорогах большая редкость. В основном машинами пользуются либо приезжие, которых у нас ничтожно мало (а попросту говоря, и нет — смотреть не на что), либо перевозчики леса. Основа города — лесозаготавливающая промышленность.

Каждое воскресенье мы встаем ровно в пять. Молимся. Воскресенье — святой день, так что большую часть времени нужно проводить в молитве. Завтракаем. По воскресеньям только каша на воде, черный хлеб и чай без сахара. После надеваем парадную одежду (что означает никаких джинсов и футболок)

и отправляемся в церковь. Сейчас лето, конец августа, из-за чего ранние подъемы не кажутся таким уж великим подвигом. Мне даже приятно прогуляться ранним утром, не ощущая себя при этом как в банке с вареньем. Однако сегодня не такой день.

Мама заставила меня надеть пиджак и новую рубашку, этикетка которой натирает шею. И это не настраивает на религиозный лад. Это меня раздражает. И я начинаю еще больше ненавидеть церковь, службы и все, что с ними связано, хотя, казалось бы, за столько лет (а хожу я туда с тех пор, как пошел в первый класс) можно было бы привыкнуть. Но я, как и традиции в нашем городе, непоколебим. То, что мне нравится, я буду любить вопреки всему (что бы ни случилось), то, что я терпеть не могу, буду с трудом выносить до конца жизни. Так я устроен.

Если быть уж совсем откровенным, то достоинств у меня немного. Я обладаю ничем не примечательной внешностью (не считая рыжих волос и веснушек по всему телу): не слишком высок, худощав и бледен настолько, что мог бы сыграть вампира без грима. Однако у меня все же есть парочка достоинств, одно из них — ненавязчивость: я никого ни к чему не принуждаю (кроме разве что моего брата Питера, но я ответственен за него).

Мама считает, что я просто слишком скромн и довольно чувствителен, а как по мне, то я — вещь в себе, вроде дневника на замке или шкатулки, простой снаружи, но полной сюрпризов внутри. Именно поэтому с виду никто и не скажет, что меня что-то не устраивает. Я терпелив до жути. И это тоже мое преимущество.

Сейчас только полседьмого утра, однако солнце уже начинает припекать вовсю. А я еще к тому же в пиджаке и рубашке. Конечно, мне жарко, но я ведь терпелив. А вот мой брат Питер — нет. Он достаточно взрослый (ему десять), чтобы понимать, почему мы ходим в церковь, но он слишком мал, чтобы быть терпеливым.

— Я не хочу надевать пиджак, — говорит он с самым что ни на есть серьезным лицом.

— Дорогой, это всего на пару часов, а потом ты его снимешь, — отвечает ему мама, при этом пытаюсь надеть на него этот дурацкий пиджак.

Я молча стою в дверях, снисходительно смотря на эту сцену. Я не участвую в ней, но все равно получается так, что раз